

Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 56–66.
Eurasian Humanitarian Journal. 2024. No. 3. P. 56-66.

Научная статья
УДК 821.161.1(09):159.923

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОТОТИПЕ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ ПОСЛЕДНЕГО РОМАНА А. М. ГОРЬКОГО «ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА»

Алексей Владимирович Лесевицкий

Пермский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, Пермь, Россия,
lesev100@mail.ru

Аннотация. Автор статьи выдвигает гипотезу, согласно которой центральный персонаж произведения Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» является литературным прототипом главного героя романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». По мнению исследователя, русские писатели анализируют в своих произведениях личность с шизоидно-полифоническим типом акцентуации характера, которую рассмотрел в своей книге «Предательство тела» А. Лоуэн. На наш взгляд, между «подпольным человеком» и Климом Самгиным чрезвычайно много общих психологических черт: наличие у героев синдрома шизоидного отчуждения от общества (своеобразный «социофобический синдром»), наличие у персонажей ярко акцентированного «полифонического характера», объединяющего в их «расколотом Я» (Р. Лэнг) комплекс неполноценности и манию величия, садистские и мазохистские черты их личности. Кроме того, общими специфическими «психологическими гранями» Клима и «подпольного господина» является «эмоциональная холодность» (Э. Кречмер) героев, их «окаменелое бесчувствие» по отношению к другим личностям. Автор статьи анализирует художественно-психологические черты героев Ф. М. Достоевского и А. М. Горького, выразившиеся в их «аутистской мечтательности», как своеобразного «бегства от реальности», неспособности героев выйти из шизоидной замкнутости своего «экзистенциального гамлетизма». А. М. Горький не только заимствует модель шизоидной личности, которая столь рельефно описана в «Записках из подполья», но и перенимает методологические аспекты авторской позиции по отношению к своему герою, реализованные Ф. М. Достоевским, сознательно устранившись от этической оценки размышлений и поступков Самгина, продуцируя амбивалентный диалог сознаний (М. М. Бахтин), осуществляемых внутри и извне своего персонажа.

Ключевые слова: прототип персонажа, социальное отчуждение, полифонический характер, бегство от реальности, шизоид, аутизм

Для цитирования: Лесевицкий А. В. К вопросу о психологическом прототипе главного героя последнего романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 3. С. 56–66.

Original article

ON THE QUESTION OF THE PSYCHOLOGICAL PROTOTYPE OF THE PROTAGONIST OF A. M. GORKY'S LAST NOVEL "THE LIFE OF KLIM SAMGIN"

Alexey V. Lesevitsky

Perm Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia, lesev100@mail.ru

Abstract. The author of the article puts forward a hypothesis according to which the central character of F. M. Dostoevsky's work «Notes from the Underground» is a literary prototype of the main character of the novel by A. M. Gorky «The Life of Klim Samgin». According to the researcher, Russian writers analyze in their works a personality with a schizoid-polyphonic type of character accentuation, which A. Lowen considered in his book «Betrayal of the Body». In our opinion, there are extremely many psychological features in common between the "underground man" and Klim Samgin: the presence of schizoid alienation syndrome from society (a kind of «sociophobic syndrome») in the characters, the presence of a vividly accented «polyphonic character» uniting an inferiority complex and megalomania in their «split self» (R. Lang) sadistic and masochistic traits of their personality. In addition, the common specific «psychological facets» of Klim and the «underground master» are «emotional coldness» (E. Kretschmer) of the heroes, their «petrified insensitivity» towards other personalities. The author of the article analyzes the artistic and psychological features of the characters of F. M. Dostoevsky and A. M. Gorky, expressed in their «autistic dreaminess» as a kind of «escape from reality», the inability of the characters to get out of the schizoid isolation of their «existential Hamletism». A. M. Gorky not only borrows the model of the schizoid personality, which is so vividly described in «Notes from the Underground», but also adopts the methodological aspects of the author's position in relation to his hero, implemented by F. M. Dostoevsky. Consciously avoiding the ethical assessment of Samgin's thoughts and actions, producing an ambivalent dialogue of consciousnesses (M. M. Bakhtin) carried out inside and outside his character.

Keywords: character prototype, social alienation, polyphonic character, escape from reality, schizoid, autism

For citation: Lesevitsky A. V. On the question of the psychological prototype of the protagonist of A. M. Gorky's last novel «The Life of Klim Samgin». Eurasian Humanitarian Journal. 2024; 3:6-6. (In Russ.).

Введение

Вопрос об источниках сложного и многомерного образа главного героя последнего романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина» является во многом дискуссионным, так как в качестве подобного прототипа исследователи творчества пролетарского писателя называют самые разнообразные имена и фамилии [Борисова, Шульженко 2021]. Буревестник советского экзистенциализма отметил, что в нравственно-психологических чертах Самгина отражено множество самых разноплановых прототипов [Борисова, Шульженко 2020]. В одном из черновых набросков, сделанных при работе над «Жизнью Клима Самгина», А. М. Горький назвал имена реальных лиц, послуживших в той или иной степени прототипами центрального персонажа. В этом наброске мы находим имена С. П. Мельгунова, В. С. Миролюбова, К. П. Пятницкого, Н. И. Тимковского, Ю. И. Айхенвальда и других.

Но нам представляется, что пролетарский писатель не указал на ярчайшего литературного прототипа-двойника Самгина, уже апробированного в творческой лаборатории уникального писателя-экзистенциалиста Ф. М. Достоевского [Лесевицкий 2011]. По нашему мнению, буревестник революции лишь виртуозно продублировал представленные ещё в XIX в. в романах «русского Данте» художественно-психологические модели личности. Между Климом Самгиным и «джентльменом с ретроградной физиономией» мы находим много общих характерологических радикалов в структуре их личности. Чем это обусловлено? На наш взгляд, Ф. М. Достоевский, а вслед за ним А. М. Горький, великолепно отразили в некоторых своих произведениях личность с шизоидно-полифонической психологической первоосновой. По мнению А. Лоуэна, людям с подобными характерологическими гранями в структуре их «амбивалентного-Я» присущи следующие черты: «1. Уклонение от тесных взаимоотношений с людьми; застенчивость, уединённость, боязливость, чувство неполноценности. 2. Неспособность направленно

выразить ненависть и агрессивные чувства – чувствительность к критике, подозрительность, потребность в поддержке, склонность отвергать или искажать. 3. Аутичное поведение – интровертность, чрезмерная мечтательность» [Лоуэн 2011: 28].

Основная часть

Какими общими психологическими чертами обладает главный герой последнего романа пролетарского писателя и центральный персонаж произведения Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»?

1. Наличие у обоих героев синдрома шизоидного отчуждения от социума, желания снизить тотальность детерминирующего влияния общественных коллективов на их амбивалентно-деструктивный внутренний мир. «Андеграудный чревоещатель» из произведения «Записки из подполья» свидетельствует: «С товарищами моими я, разумеется, дружба не выдерживал и очень скоро расплевывался и вследствие ещё юной тогдашней неопытности даже и кланяться им переставал, точно отрезывал. Это, впрочем, со мной всего один раз и случилось. Вообще же я всегда был один» [Достоевский 1973: V, 127]. Буквально вторит «подпольному» его «метафизический двойник» Клим Самгин: «В этот вечер тщательно, со всей доступной ему объективностью, прощупав, пересмотрев все впечатления последних лет, Самгин почувствовал себя так совершенно одиноким человеком, таким чужим всем людям» [Горький 1979: XII, 381]. По мнению многих психологов, на продуцирование шизоидных качеств личности влияет синдром «детской отверженности», когда в ранние годы человек испытывает по отношению к себе в семье отстраненно холодное отношение, излишнюю критику и строгость, отчуждение, гиперопеку и т. д. Стоит заметить, что А. М. Пешковым великолепно осознана эта проблема [Бабук 2019]. Именно так возникает страх снова быть отвергнутым, личность добровольно изолирует себя от общества. Если в семье Клим Самгина мы видим взаимное отчуждение родителей от сына, отсутствие теплоты в межличностных взаимоотношениях, что в конечном итоге продуцирует в главном герое произведения А. М. Горького личность с шизоидными чертами, то главный персонаж «Записок из подполья» просто не знал родительской ласки: «Я вот без семьи вырос; оттого, верно, такой и вышел... бесчувственный» [Достоевский 1973: V, 156]. Можно утверждать, что «подпольный человек» и Клим Самгин пережили практически идентичные детские травмы: насмешки, злую иронию, антипатию со стороны своих одноклассников. Персонаж повести Ф. М. Достоевского вспоминает: «Очевидно, меня считали чем-то вроде самой обыкновенной мухи. Так не третировали меня даже в школе, хотя все меня там ненавидели» [Достоевский 1973: V, 135]. Несколько схожие унижения вспоминает и Клим Самгин, описывая детские игры с другими героями книги: «Климу чаще всего навязывали унижительные обязанности конюха, он вытаскивал из-под стола лошадей, зверей и подозревал, что эту службу возлагают на него нарочно, чтобы унижить. И вообще игра в цирк не нравилась ему, как и другие игры, крикливые, быстро надоедавшие» [Горький 1979: XI, 29]. Подобное отношение части социума индуцировало социальное отчуждение героев, желание данных персонажей самоизолироваться от общества (своеобразный социофобический синдром). По нашему мнению, шизоидный аутизм Самгина и «подпольного человека» обусловлен некоторой жестокостью социума, стремящегося нивелировать даже минимальные отличия индивидов друг от друга. Оба героя испытали это негативное тотальное давление социальных коллективов на их аутентичный внутренний мир, который никогда не сможет осознать среднестатистический «массовый человек»: «Товарищи встретили меня злобными и безжалостными насмешками за то, что я ни на кого из них не был похож» [Достоевский 1973: V, 139].

2. Личность с шизоидной характерологической доминантой обладает амбивалентно-противоречивым набором психологических черт: «Когда же радикалы перемешиваются, когда мы говорим о шизотипическом характере, в свете сказанного это может означать, что в такой психической конституции нет явного преобладания Супер-Эго и Ид. То есть это человек, который одновременно имеет разнонаправленные векторы; например, шизоидное начало тянет его в одну сторону – в замкнутую углубленность и серьезность, а циклоидное –

в жизненные радости и земные печали» [Руднев 2004: 46–47]. Например, в структуре духовного мира шизоидной личности могут соседствовать два взаимоисключающих радикала: комплекс неполноценности и своеобразная «мания величия». Стоит отметить, что А. М. Горький блестяще заимствует у Ф. М. Достоевского этот приём описания человека с амбивалентно-полифоническим сознанием. Подпольный человек, как и Клим Самгин, иногда ощущает себя «никчемной личностью», существование которой является историей «самопоедания» (термин пролетарского писателя) и самокритики, латентного психологического самоубийства. Герой произведения Ф. М. Достоевского свидетельствует: «Это была мука-мученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха» [Достоевский 1973: V, 130] Стоит заметить, что и Клим Самгин тоже ощущает комплекс собственной неполноценности, своего весьма скромного значения в этом мире, несмотря на огромные амбиции, он страдает от жуткой неуверенности в собственных силах. Психолог Э. Кречмер писал, что шизоиды воспринимают собственную личность как несуществующую, поглощенную хаосом их внутреннего мира. Самгин очень точно выразит этот психологический симптом: «Иногда его уже страшило это ощущение самого себя как пустоты, в которой непрерывно кипят слова и мысли, – кипят, но не согревают. Он даже спрашивал себя: «Ведь не глуп же я?»» [Горький 1979: XI, 306].

Но с другой стороны, «подпольный джентльмен», как и Самгин, иногда абсолютно осознанно ставит себя на место исключительных личностей, обладающих уникальными способностями и талантами, с которыми никто не может конкурировать. Герой «Записок из подполья» свидетельствует о собственной «мании величия»: «Я был болезненно развит, как и следует быть развитому человеку нашего времени. Они же все были тупы и один на другого похожи как бараны в стаде» [Достоевский 1973: V, 125]. Буквально вторит своему «метафизическому двойнику» Клим Самгин: «Человека более интересного и значительного, чем сам он, Клим ещё не встречал» [Горький 1979: XII, 105]. В порыве «мании величия» персонажи рассматривают других индивидов как своеобразный «обезличенный охлос». Чем обусловлен этот процесс? По мнению персонажей произведений Ф. М. Достоевского и А. М. Горького, они окружены безличностями, людьми, которые имеют шаблонно-стереотипные черты, у них отсутствует сложный, амбивалентно-противоречивый внутренний мир, вся анонимная жизнь которых направлена на торопливо-абсурдную деятельность в социальной среде. Именно по этой причине персонажи избрали путь осознанного «общественного аутизма». По мнению Л. Шестова, исследовавшего произведение «Записки из подполья», «массовый человек» проводит всю свою жизнь в состоянии «глубокого экзистенциального сна», он погружен в иллюзорный мир «социальной действительности», участвует в абсурдной гонке за привилегированным положением, обеспокоен потреблением материальных благ, становясь похожим на миллионы таких же «социально одержимых» [Шестов 1993: 49]. Мыслитель утверждает, что именно подпольный человек имеет шанс отыскать подлинное бытие, свой неповторимый, отличающийся от других мировоззренческих нарративов, внутренний мир уникальной личности: «Прочтите, как описывает Достоевский “нормальных” людей, и спросите, что лучше, мучительные ли судороги «сомнительного» пробуждения или тупая, серая, зевающая, удушающая прочность «несомненного» сна. Тогда, быть может, вам не покажется таким парадоксальным противопоставление одного человека “всей” природе. При всей видимой бессмыслице, это всё-таки не так “бессмысленно”, как апофеоз “всемства”, той золотой середины, при которой только и могли вырасти наше “знание” и наше “добро”» [там же].

Стоит заметить, что полифоническая характерологическая мозаика в «психологическом универсуме» исследуемых героев присуща именно шизоидному типу личности, которая стремится компенсировать свой комплекс неполноценности своеобразной «манией величия», синтезировав эти взаимоисключающие «паттерны сознания» в рамках одного тела, о чем писал в своих исследованиях А. Адлер.

Нам представляется, что синтетический психотипический характер содержит в себе противоречивое единство садизма и мазохизма: «Из-за этой тесной связи между садизмом и мазохизмом будет правильнее говорить о садомазохистском характере, хотя ясно, что у каждого конкретного лица преобладающим является либо один, либо другой аспект» [Фромм 1994: 254]. Подпольный человек признается, что испытывает латентное наслаждение от процесса «психологического уничтожения» его личности. Ф. М. Достоевский чрезвычайно рельефно описывает самоисповедь героя «Записок из подполья»: «Но именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя заживо с горя, в подполье на сорок лет, в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний – и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил» [Достоевский 1973: V, 105]. С другой стороны, получив перверсивное психологическое удовольствие от унижения своей личности со стороны бывших «сокурсников», подпольный человек ощутил экзистенциальную потребность садистски подавить еще более незащищенную личность, чем он сам. Герой повести самым безжалостным образом обманул доверчивую девушку, признавшись потом, что хотел заставить ее мучиться, испытать невыносимые психологические страдания: «Власти, власти мне надо было добиться, унижения, истерики твоей – вот чего надо было тогда! <...> Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знаешь чего: чтоб вы провалились, вот чего!» [Достоевский 1973: V, 173]. Стоит заметить, что и его «метафизический двойник» Клим Самгин тоже является личностью с шизоидно-полифоническим характером, сочетающим черты садиста и мазохиста в одном теле. Мазохистская доминанта героя романа А. М. Горького проявлена в его практике перманентного «экзистенциального гамлетизма», с другой стороны, садистские наклонности персонажа рельефно выявлены в его весьма «сложных» взаимоотношениях с женщинами [Святославский 2020].

Нам представляется, что «подпольный человек» и Клим Самгин обладают шизоидно-полифоническим характером, в котором «перемешаны» противоположные психологические доминанты, подобная структура личности свидетельствует о наличии своеобразного «расколотого Я» (Р. Лэнг) героев. Очень точно об этом феномене персонажей «русского Данте» напишет С. Цвейг: «Чувственность Достоевского – лабиринт, в котором спутаны все пути; Бог и зверь уживаются рядом в одном теле» [Цвейг 1992: 89]. Более того, личности исследуемых персонажей диалектически изменчивы, не являются эмоционально устойчивыми, каждый из исследуемых героев Ф. М. Достоевского и А. М. Горького ежеминутно может стать иным по сравнению со своим исходным психологическим состоянием. Оба русских писателя показывают нам амбивалентно-противоречивое развитие личности своих героев, характеризующееся наличием единства и борьбы противоположных характерологических радикалов в их «расколоте сознания», которая осуществляется по линиям «психологических разломов», в которых комплекс неполноценности противостоит мании величия, мазохизм противостоит садизму и прочее.

3. Иным признаком личности шизоидного типа, блестяще описанным в творчестве Ф. М. Достоевского и А. М. Горького, является её нарочитая холодность и своеобразная безжалостность по отношению к другим индивидам. Разгадка подобного отчужденного безразличия кроется во внутреннем мире шизоида, у которого просто нет опыта длительного межличностного сотрудничества с кем-либо. Э. Кречмер называл подобный феномен своеобразной «эмоциональной тупостью»: «Третья группа обнаруживает, наоборот, признаки известной психической нечувствительности, тупости, понижения способности к самопроизвольным актам» [Кречмер 2021: 152]. И Самгин, и «подпольный человек» просто не могут осознать, что другая личность способна испытывать боль и страдание, не является абстрактной вещью и обезличенным объектом, с которым можно поступать, как заблагорассудится. Главный герой «Записок из подполья» повествует о своем единственном друге, с которым он поступил крайне жестоко, словно с отчужденным объектом: «Я испугал

его моей страстной дружбой; я доводил его до слез, до судорог; он был наивная и отдающаяся душа; но когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, – точно он и нужен был мне только для одержания над ним победы, для одного его подчинения» [Достоевский 1973: V, 140].

Каким образом рассматривает подобный феномен «окаменелого бесчувствия» по отношению к другой личности «буревестник русской революции»? А. М. Горький мастерски описывает эту нарочитую холодность Клим Самгина, что вызывает изумление у многих общающихся с ним людей. Купец Лютов прямолинейно заявляет персонажу: « – Ты хладнокровно, без сострадания ведешь какой-то подсчет страданиям людским, как математик, немец, бухгалтер, актив-пассив, и чёрт тебя возьми! <...> – Я, брат, не люблю тебя, нет! Интересный ты, а – не сим-па-ти-чен. И даже, может быть, ты больше выродок, чем я» [Горький 1979: XII, 116]. Но вся разгадка подобного неэмоционального и отчужденного отношения к другим личностям кроется в шизоидной акцентуации характера главного героя, столь блестяще описанного литератором. Самгин является героем, который просто не способен на проявление сильных эмоций и настоящих чувств. Отстраненно холодный взгляд через пенсне – это далеко не только внешнее проявление образа Самгина, мастерски прорисованного А. М. Горьким, но экзистенциальная характеристика внутреннего мира Клим Самгина, шизоидного мира отчуждения и одиночества, в котором нет места другим. Аналогичную личностную характеристику мы можем дать и «подпольному господину» Ф. М. Достоевского: «Гораздо более важной и существенной чертой «своевольных» представляется мне их асоциальность. Общественные инстинкты и чувства замерли в них. Они любят держаться в одиночку, молчаливы и необщительны. <...> Естественным результатом атрофии социальных чувств является обычно аморализм, угасание нравственных инстинктов, чувства обязанности перед другими, долга и совести» [Переверзев 1982: 273]. С другой стороны, подобная жестокость персонажей по отношению к другим индивидам является обратной стороной «травматического опыта» их взаимодействия с социумом, когда их тотально отвергали, считая «насекомыми», «неудачниками», «сторонними наблюдателями», «социальными абсентеистами», «выродками», «социальными дегенератами» и пр.

4. Когда А. М. Горький рефреном повторял в своем эсхатологическом романе, что многие персонажи «сами себя выдумали», то в определенной степени он дублировал уже апробированные Ф. М. Достоевским художественно-философские и психологические сентенции. Не являются ли неистовыми «аутичными мечтателями» и Клим Самгин, и «подпольный человек», изображенный «русским Данте»? Более того, склонность к фантазиям и построению «воздушных замков» – одна из характерных черт личности с шизоидной акцентуацией характера: «Если уклонение от нормы не заходит так далеко, то аутизм позволяет человеку грезить вместо того, чтобы действовать, заниматься бесцельными вещами, строить планы, которые неосуществимы и в силу этого не должны быть осуществлены, углубляться в неразрешимые проблемы, разрешение которых неважно само по себе или вообще не может быть найдено» [Блейлер 2022: 232–233]. В сознании подобной личности возникает необходимость как бы заменить реальный мир на свою «выдуманную вселенную», так как реальность не всегда отвечает чаяниям homo подобного типа. Мечтания Клим Самгина и «подпольного господина» свидетельствуют об уходе от реальности данных персонажей, их желании преодолеть ее негативное детерминирующее воздействие. Но, исходя из этого, необходимо поставить вопрос не только о психологических особенностях личностей Самгина и «джентльмена с ретроградной физиономией», но и о самой деструктивной и психотравматичной реальности, вызывающей пассивное желание уйти от неё, ибо жить в социальном аду несправедливости, унижения, рабства и абсурда невыносимо. Оба персонажа своим социальным абсентеизмом показывают, что оставили надежду на изменение человеческой цивилизации в лучшую сторону, предпочитая бездействовать в своём «экзистенциальном гамлетизме»: «Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье!»

[Достоевский 1973: V, 121]. Подобное существование в «аду социальности» предполагает некое средство, облегчающее данное страдание – погружение в мир фантазмов и грез. Каким же образом описывает этот важнейший феномен шизоидной акцентуации личности А. М. Горький, способствующий сглаживанию своеобразного «комплекса неполноценности» Самгина, где главный герой произведения воображает себя «интеллектуальным диктатором» всей дореволюционной России, «властителем дум» целых поколений интеллигенции огромной страны. Клим мечтает стать главным редактором крупного общественно-политического журнала: «Ушел он, оставив домохозяина в состоянии приятной взволнованности, разбудив в нём желание мечтать. И первый раз в жизни Клим Иванович Самгин представил себя редактором большой газеты, человеком, который изучает, редактирует и корректирует все течения, все изгибы, всю игру мысли, современной ему. К его вескому слову прислушиваются политики всех партий, просветители, озабоченные культурным развитием низших слоёв народа, литераторы, запутавшиеся в противоречиях критиков, критики, поверхностно знакомые с философией и плохо знакомые с действительной жизнью. Он – один из диктаторов интеллектуальной жизни страны» [Горький 1979: XIV, 228]. Нам представляется, что и «подпольный человек» является незаурядным шизоидом-мечтателем, как и Самгин. Персонаж Ф. М. Достоевского свидетельствует: «Мечтал я ужасно, мечтал по три месяца сряду, забившись в свой угол, и уж поверьте, что в эти мгновения я не похож был на того господина, который, в смятении куриного сердца, пришивал к воротнику своей шинели немецкий бобрик. Я делался вдруг героем» [Достоевский 1973: V, 132]. Нам представляется, что мечтать о чем-либо может любой человек, но принципиальным моментом является то, в какой мере он связан с реальностью, способен ли активно менять мир вокруг себя. По нашему мнению, грезы рассматриваемых нами персонажей имеют болезненно-аутичные черты, ибо их шизоидный абсентеизм не способен воплотить в жизнь данные фантазии, так как отсутствует волевая активность личности. Видные психологи-исследователи творчества Ф. М. Достоевского писали по данному поводу: «Но мечтательность для позднего Достоевского не только психологическая защита, но и бегство от жизни, её нерешённых проблем, от которых, по мысли писателя, не должен уходить порядочный человек» [Кузнецов, Лебедев 2003: 96].

5. Важным признаком шизоидной акцентуации по А. Лоуэну является её «склонность отвергать и искажать». Нам представляется, что и Самгин, и «подпольный человек» испытывают своеобразное латентное психологическое удовольствие от желания подвергнуть тотальной деструкции идеалы истины, добра и красоты, показать их зыбкость, лишит другую личность мировоззренческой центрированности, уверенности в своих идеалах, считая любые глобальные проекты переустройства общества глупой утопией, не реализуемой в динамике исторического процесса. В данном контексте метафизическим идеалом наших героев является идея нигилизма, способная разрушить мнимые и подлинные ценности. Персонаж Ф. М. Достоевского свидетельствует: «Ведь я, например, нисколько не удивлюсь, если вдруг ни с того ни с сего среди всеобщего будущего благоразумия возникнет какой-нибудь джентльмен с неблагородной или, лучше сказать, с ретроградной и насмешливою физиономией, упрёт руки в боки и скажет нам всем: а что, господа, не столкнуть ли нам всё это благоразумие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к чёрту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить!» [Достоевский 1973: V, 113].

С другой стороны, в качестве альтернативы позитивистским и прогрессистским ценностям уходящей в небытие человеческой цивилизации оба героя предлагают идеал эгоистической личности, своеобразного штирнеровского «единственного»: «Чего-чего только я ни должен считать своим делом. Во-первых, дело добра, затем дело Божие, интересы человечества, истину, свободу, гуманность, справедливость, а далее – дело моего народа, моего государя, моей родины; наконец, дело духа и тысячи других дел» [Штирнер 1994: 7]. Оба высказывают своё категорическое осуждение идеям использования человека во имя каких-либо корпоративных целей со стороны социума, религиозных сообществ, окружения индивида и т. д. Подпольный

человек, как и Самгин, восстаёт против механически-отчуждённого отношения к человеку, когда живую личность воспринимают как абстрактную обезличенную статистическую единицу. Персонаж произведения А. М. Горького свидетельствует: «Да, нас воспитывают Дон-Кихотами. Начиная с детства, в семье, в школе, в литературе нам внушают неизбежность жертвенного служения обществу, народу, государству, идеям права, справедливости. Единственная перспектива, которую вполне чётко и ясно указывают нам, – это перспектива библейского юноши Исаака – жертва богам отцов, жертва их традициям» [Горький 1979: XIV, 293]. Оба шизоидных героя не желают быть безликой жертвой трагической динамики исторического процесса. И Ф. М. Достоевский, и А. М. Горький через своих персонажей выступают против «автоматизирующего конформизма», не учитывающего амбивалентной противоречивости личности, наличия иррациональной составляющей её поведения, обусловленной свободой воли. Человек – это не фортепьянная клавиша. С другой стороны, уместно поставить вопрос о сущности шизоидного эгоизма и тотальной изолированности личности от общества. Является ли шизоидная склонность «искажать и отвергать» положительным фактором преодоления зла в нашем мире? Мы полагаем, что эгоистическая позиция «извечных скептиков» исследуемых героев произведений Ф. М. Достоевского и А. М. Горького является условием торжества деструктивных сил. Позиция невмешательства, социального абсентеизма, критики любых проектов, активно меняющих наш мир, – условие торжества зла.

6. Нам представляется, что А. М. Пешков в своём романе-завещании заимствует у Ф. М. Достоевского не только творческий архетип героя с шизоидной акцентуацией характера, но и методологические аспекты авторской позиции по отношению к своему персонажу. Как и автор «Записок из подполья», А. М. Горький позволяет своим героям быть абсолютно независимыми от аутентичной позиции автора текста, и в этом смысле он своеобразный ученик «русского Данте»: «Итак, новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского – это всерьёз осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция, которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершённость и нерешенность героя» [Бахтин 1979: 73] Пролетарский писатель-экзистенциалист сознательно устраняется от любых нравственно-этических оценок личности и поступков Самгина. Улавливается своеобразное «сопротивление» литературно-художественного образа Клина воле его создателя – А. М. Пешкова. По нашему мнению, идею амбивалентного диалога автономных сознаний, которую применил М. М. Бахтин для анализа произведений «русского Данте», в равной степени можно использовать и для интерпретации художественных образов в романах А. М. Горького [Бобылев 2021]. На наш взгляд, буревестник русской революции, как и Достоевский, придаёт первостепенное значение амбивалентно-полифоническому диалогу разнонаправленных волевых импульсов, осуществляемых внутри «расколотого Я» своего главного героя. Напротив, взаимоотношения Самгина с внешним миром показаны А. М. Горьким как второстепенные. Как и «подпольный человек», Клим переживает этот извечный экзистенциальный диалог со своим «вторым Я», неустранимую борьбу тезиса и антитезиса, не находящую нивелирования в синтезе. Как и у Ф. М. Достоевского, мы читаем великолепно прорисованные диалоги героев, конфликтное столкновение противоположных мировоззренческих позиций, неистовую борьбу разных типов осмысления мира. Причём она осуществляется не только во внешней среде, то есть в социуме, но и в «расколоте Я» многих персонажей романа «Жизнь Клина Самгина».

7. Копируя драматические сюжеты и психологические типажи многих персонажей Ф. М. Достоевского, А. М. Горький нисколько не унизил себя, не проникся мизантропическим ядом «карамазовщины», о которой так убедительно писал в 1913 г. Очевидно радикально отрицательное отношение «буревестника революции» к персоне самого «русского Данте». А. М. Пешков упрекает автора «Братьев Карамазовых» во многих художественных изъянах его творческого универсума: культе садомазохизма, излишне натуралистическом описании всех тёмных и разрушительных свойств человеческой природы (садизма, сумасшествия, убийства,

педофилии и прочих), довольно убедительной проповеди смирения и терпения в русском человеке, проповеди религиозного фанатизма и социального пессимизма и прочих: «Рабски следуя за Художественным театром, театр Незлобина инсценирует «Идиота»; тут тоже есть чем полюбоваться, например: агонией туберкулезного Ипполита, эпилепсией князя Мышкина, жестокостью Рогожина, истерией Настасьи Филипповны и прочими поучительными картинами всяческих болезней тела и духа» [Горький 1979: XVI, 274]. Но превзошел ли в проповеди гуманизма, добра, истины и красоты А. М. Горький в своём последнем романе столь порицаемого им Ф. М. Достоевского? Разумеется, нет. Чем же, в свою очередь, можно «полюбоваться» читателю в романе «Жизнь Клима Самгина»? Многим. Например, шизоидным раздвоением личности главного героя, нравственным распадом семьи, в которой он рос, вариативными «алкогольными психозами» купца Лютова и поручика Трифонова, «эпидемией» самоубийств и убийств... Нельзя ли упрекнуть самого А. М. Горького в том, в чём он упрекает Ф. М. Достоевского в статье от 1913 г.? Но именно в этом «упреке» проявляется всё величие А. М. Горького как писателя-философа, своеобразного буревестника русского экзистенциализма XX в. [Савинкова 2020]. В своём романе-завещании, на наш субъективный взгляд, А. М. Пешков раскрыл важнейшие онтологические вопросы экзистенции личности, и в этом смысле, он, безусловно, своеобразный талантливый «ученик» Ф. М. Достоевского. Нам представляется, что А. М. Горький творчески эволюционировал, его мировоззрение трансформировалось под воздействием самых разнообразных факторов. По нашему мнению, «буревестник революции», как и Ф. М. Достоевский когда-то, пережил своеобразный этап «перерождения убеждений», простирающийся от некой «социальной одержимости» идеями коммунизма, до неподдельной тревоги за реализацию на практике концептов подобного радикального переустройства социума. Данное переживание мировоззренческого кризиса сделало последний роман А. М. Горького столь близким метаидеологии многих романов «русского Данте».

Заключение

Таким образом, главный герой произведения Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» является своеобразным литературным прототипом Клима Самгина. По мнению автора данной статьи, русские писатели чрезвычайно рельефно отобразили психологический тип шизоидной личности, проанализированный в книге А. Лоуэна «Предательство тела», а также в работах Э. Кречмера и Э. Блейлера. В структуре «полифонического сознания» «подпольного господина» и Клима Самгина можно выделить следующие общие «характерологические паттерны»: синдром социального аутизма, наличие противоположных черт характера, объединённых в их «расколотом Я» (Р. Лэнг), окаменелое бесчувствие по отношению к другим людям, когда живая личность трансформируется в отчуждённый объект, лишённый всех человеческих качеств, наличие синдрома построения «воздушных замков» как психологического бегства шизоидной личности от реальности.

Список литературы

1. Бабук А. В. Ценностно-антропологический кризис детства в начале XX века и возможные пути его преодоления (на материале литературных произведений И. С. Шмелева «Лето Господне» и М. Горького «Детство» // Эпическая традиция в русской литературе XX–XXI веков. : материалы XXIII Шешуковских чтений. М. : Изд-во «Московский педагогический государственный университет», 2019. С. 204–212.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 318 с.
3. Блейлер Э. Психические расстройства: шизофрения, депрессия, эффе́ктивность, внушение, паранойя. М. : Родина, 2022. 256 с.
4. Бобылев Б. Г. «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького в свете концепции «чужого слова» М. М. Бахтина // Антропологический поворот: теории и практики: Сборник трудов международной научной конференции. Орел : Изд-во «Орловский государственный институт культуры», 2021. С. 181–190.
5. Борисова Л. М., Шульженко Ю. А. Герой и его прототипы: аллегория интеллигенции в романе А. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2021. Т. 7. № 1. С. 15–30.

6. Борисова Л. М., Шульженко Ю. А. Герой и его прототипы: проблема поколенческой идентичности в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6. № 4. С. 3–15.
7. Кречмер Э. Стрoение тела и характер. М. : Советские учебники, 2021. 256 с.
8. Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский над бездной безумия. М. : Когито-Центр, 2003. 168 с.
9. Лесевицкий А. В. Ф. М. Достоевский и экзистенциальная философия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2011. Т. 9. № 1. С. 120–124.
10. Лоуэн А. Предательство тела. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2011. 256 с.
11. Переверзев В. Ф. Гоголь, Достоевский. Исследования. М. : Советский писатель, 1982. 510 с.
12. Руднев В. П. Тайна курочки рябы: безумие и успех в культуре. М. : Класс, 2004. 304 с.
13. Савинкова Т. В. Экзистенциальная проблематика романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: структурно-функциональное и философско-этическое значение // Acta Eruditorum. 2020. № 33. С. 40–44.
14. Святославский А. В. Роль женских образов в выявлении характера главного героя в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» // XX Свято-Троицкие ежегодные международные академические чтения в Санкт-Петербурге. Сборник научных статей и материалов ежегодного форума «Свято-Троицкие академические чтения». СПб. : Изд-во «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского», 2020. С. 191–200.
15. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994. 447 с.
16. Цвейг С. Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский; триумф и трагедия Эразма Роттердамского. М. : Республика, 1992. 286 с.
17. Шестов Л. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М. : Наука, 1993. 560 с.
18. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков : Основа, 1994. 560 с.

Список источников

1. Горький А. М. Собрание сочинений: в 16 т. М. : Правда, 1979.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

References

1. Babuk A. V. Tsennostno-antropologicheskiiy krizis detstva v nachale KhKh veka i vozmozhnye puti ego preodoleniya (na materiale literaturnykh proizvedeniy I. S. Shmeleva «Leto Gospodne» i M. Gor'kogo «Detstvo») [The value-anthropological crisis of childhood at the beginning of the 20th century and possible ways to overcome it (based on the literary works of I. S. Shmelev "Summer of the Lord" and M. Gorky "Childhood")]. *Epicheskaya traditsiya v russkoy literature XX-XXI vekov* [The epic tradition in Russian literature of the XX-XXI centuries]. Moscow, Moskovskiy pedagogicheskiiy gosudarstvennyy universitet, 2019, pp. 204-212. (In Russ.).
2. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1979, 318 p. (In Russ.).
3. Bleyler E. Psikhicheskie rasstroystva: shizofreniya, depressiya, effektivnost', vnushenie, paranoyya [Mental disorders: schizophrenia, depression, efficacy, suggestion, paranoia]. Moscow, Rodina, 2022, 256 p. (In Russ.).
4. Bobylev B. G. «Zhizn' Klima Samgina» A. M. Gor'kogo v svete kontseptsii «chuzhogo slova» M. M. Bakhtina ["The Life of Klim Samgin" by A. M. Gorky in Light of the Concept of "Alien Word" by M. M. Bakhtin]. *Antropologicheskiiy povorot: teorii i praktiki* [The anthropological turn: theories and practices]. Sbornik trudov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Orel, Orlovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury, 2021, pp. 181-190. (In Russ.).
5. Borisova L. M., Shul'zhenko Yu. A. Geroy i ego prototipy: allegoriya intelligentsii v romane A. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» [The Hero and His Prototypes: An Allegory of the Intelligentsia in A. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences]. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 15-30. (In Russ.).
6. Borisova L. M., Shul'zhenko Yu. A. Geroy i ego prototipy: problema pokolencheskoy identichnosti v romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» [The Hero and His Prototypes: The Problem of Generational Identity in M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological sciences]. 2020, vol. 6, no. 4, pp. 3-15. (In Russ.).

7. Krechmer E. Stroenie tela i kharakter [Body structure and character]. Moscow, Sovetskie uchebniki, 2021, 256 p. (In Russ.).
8. Kuznetsov O. N., Lebedev V. I. Dostoevskiy nad bezdnoy bezumiya [Dostoevsky over the abyss of madness]. Moscow, Kogito-Tsent, 2003, 168 p. (In Russ.).
9. Lesevitskiy A. V. F. M. Dostoevskiy i ekzistentsial'naya filosofiya [Dostoevsky and existential philosophy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy]. 2011, vol. 9, no. 1, pp. 120-124. (In Russ.).
10. Louen A. Predatel'stvo tela [Betrayal of the body]. Moscow, Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2011, 256 p. (In Russ.).
11. Pereverzev V. F. Gogol', Dostoevskiy. Issledovaniya [Gogol, Dostoevsky. Research]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1982, 510 p. (In Russ.).
12. Rudnev V. P. Tayna kurochki ryaby: bezumie i uspek v kul'ture [The Mystery of the Ryaba Hen: Madness and Success in Culture]. Moscow, Klass, 2004, 304 p. (In Russ.).
13. Savinkova T. V. Ekzistentsial'naya problematika romana M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina»: strukturno-funktsional'noe i filosofsko-eticheskoe znachenie [Existential issues of M. Gorky's novel "The Life of Klim Samgin": structural-functional and philosophical-ethical meaning]. *Acta Eruditorum*. 2020, no. 33, pp. 40-44. (In Russ.).
14. Svyatoslavskiy A. V. Rol' zhenskikh obrazov v vyyavlenii kharaktera glavnogo geroya v romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina» [The Role of Female Images in Revealing the Character of the Main Character in M. Gorky's Novel "The Life of Klim Samgin"]. *XX Svyato-Troitskie ezhegodnye mezhdunarodnye akademicheskie chteniya v Sankt-Peterburge* [XX Holy Trinity Annual International Academic Readings in St. Petersburg]. Saint Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya im. F. M. Dostoevskogo, 2020, pp. 191-200. (In Russ.).
15. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, Respublika, 1994, 447 p. (In Russ.).
16. Tsveyg S. Tri mastera: Bal'zak, Dikens, Dostoevskiy; triumf i tragediya Erazma Rotterdamskogo [Three Masters: Balzac, Dickens, Dostoevsky; the triumph and tragedy of Erasmus of Rotterdam]. Moscow, Respublika, 1992. 286 p. (In Russ.).
17. Shestov L. Sochineniya v 2-kh tomakh [Works in 2 volumes]. Vol. 2, Moscow, Nauka, 1993, 560 p. (In Russ.).
18. Shtirner M. Edinstvennyy i ego sobstvennost' [The One and His Property]. Khar'kov, Osnova, 1994, 560 p. (In Russ.).

List of sources

1. Gor'kiy A. M. Sobranie sochineniy: v 16 t. [Collected works: in 16 volumes.]. Moscow, Pravda, 1979. (In Russ.).
2. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t. [Complete Works: in 30 volumes.]. Leningrad, Nauka, 1972-1990. (In Russ.).

Информация об авторе

А. В. Лесевицкий – преподаватель,
кафедра общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин,
Пермский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

Information about the author

V. Lesevitsky – Lecturer, Department of General Education and Humanities and Social Sciences,
Perm Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.08.2024; одобрена после рецензирования 20.08.2024; принята к публикации 10.09.2024.

The article was submitted 10.08.2024; approved after reviewing 20.08.2024; accepted for publication 10.09.2024.